

**Депутатский запрос в Конституционном Суде РФ
против исполнения постановлений Европейского
суда по правам человека**

Аннотация: Рассматривается важнейший вопрос правовой политики Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы РФ, фактически ставящим под сомнение применимость постановлений Европейского суда по правам человека на территории нашей страны.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; Конституционный Суд Российской Федерации; Европейская конвенция по правам человека; ратификация Европейской конвенции по правам человека; исполнение постановлений Европейского суда по правам человека.

Поскольку дело по запросу группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ может иметь масштабные последствия для всех жителей России, автор, имея собственную точку зрения, основанную на длительных исследованиях [7, с.85-92; 8; 9; 10; 11, с. 64-72; 12, с. 90-101; 13, с. 53-63; 14, с. 96-104], не смог остаться в стороне. К сожалению, назначение даты рассмотрения дела произошло почти мгновенно, и вполне вероятно, что настоящая статья увидит свет уже после вынесения постановления Конституционного Суда РФ. Возможно, точка Конституционного Суда РФ по существу запроса окажется иной, чем у группы депутатов, а возможно, она могла быть другой, если бы была услышана наша точка зрения. Остается уповать на то, что впредь, назначая судебные заседания по столь важным вопросам, Конституционный Суд РФ предоставит научной

♦ Султанов Айдар Рустэмович - судья Третейского энергетического суда, член Ассоциации по улучшению жизни и образования, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим» (Россия). E-mail: SultanovAR@nknh.ru.

общественности возможность высказать свои мнения, а не будет игнорировать позицию ученых и практиков.

А напоследок я скажу...

Скоро заканчиваются полномочия депутатов Государственной Думы РФ, и напоследок в качестве подведения итогов своей работы часть депутатов решила подвергнуть анализу на предмет конституционности работу, ранее сделанную ими, а также их коллегами более ранних созывов.

11 июня 2015 г. группа депутатов Государственной Думы в количестве 93 человек направила запрос о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», частей 1 и 4 ст. 11, пункта 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 ст. 13, пункта 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 ст. 15, пункта 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства РФ, пункта 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ, пунктов 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

Прежде чем анализировать данный запрос, позволим себе вспомнить некоторые данные, предшествующие вступлению России в Совет Европы и подписанию Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также - Европейская конвенция).

Ты помнишь, как все начиналось...

Прежде всего, полагаем уместным напомнить, что сама Европейская конвенция была принята лишь как один из первых шагов на пути обеспечения коллективного осуществления некоторых из прав, изложенных во Всеобщей декларации прав человека. Сама же идея коллективного обеспечения прав и свобод человека была поднята на новую высоту в середине XX в. после того, как мировая общественность попыталась понять причины варварства Второй мировой войны и принять меры, чтобы это никогда не повторилось. Тотальное

презрение к правам человека в фашистской Германии обернулось многомиллионными жертвами во всем мире. Росток неуважения к правам и свободам человека в одной стране пророс и дал ужасающие плоды - ненависть и массовое убийство людей, причем под прикрытием «закона», а затем это обернулось страшной войной.

Всеобщая декларация прав человека была провозглашена в связи с тем, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества. Создание мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и освободятся от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей. То есть идея заключалась в том, что коллективная ответственность за соблюдение прав и свобод человека сможет обеспечить защиту этих прав и свобод, даже когда человек не получит защиту в своем государстве, и предупредить тем самым отход от стандартов уважения прав и свобод человека.

Эта идея не чужда России, она долго прорастала в нашей стране, о чем свидетельствуют труды российских правоведов XIX - начала XX вв. В 1991 г. Президент РСФСР представил в Верховный Совет РСФСР проект Декларации прав и свобод человека и гражданина с целью утвердить права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность общества и государства и необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. №1920-1 инициатива Президента РСФСР была поддержана. Декларация прав и свобод человека и гражданина была принята в качестве основного ориентира для деятельности всех государственных органов, согласно которой *«права и свободы человека принадлежат ему от рождения. Общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами РСФСР и непосредственно порождают права и обязанности граждан РСФСР»*.

7 мая 1992 г. Россия официально представила заявку о вступлении в Совет Европы (еще до принятия новой Конституции РФ). В дальнейшем Россия, планируя свое участие в Совете Европы и Европейской конвенции, представляла проект Конституции РФ на международную экспертизу. Проекту Конституции РФ в 1993 г. были посвящены три пленарных заседания Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы) [4, с. 81-100] и неудивительно, что многие положения Конституции РФ совпадают с положениями международных договоров, к которым Россия намеревалась присоединиться.

Из стенограмм заседаний Государственной Думы, на которых обсуждались вопросы о присоединении к Совету Европы и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, со всей очевидностью следует, что основной целью присоединения к этим международным соглашениям было предоставление гражданам нашей страны большей защиты от нарушения прав человека. Так, выступая в июне 1994 г. на заседании Государственной Думы, В.П. Лукин, бывший тогда председателем Комитета Государственной Думы по международным делам, пояснял, что присоединение к Европейской конвенции необходимо простым людям, чтобы, когда их резко обидят и грубо нарушат права человека, «в добавление к тому, что мы с вами его поддержим (если у нас хватит сил и времени поддерживать), его поддержали еще европейские структуры, которые - как бы хорошо или плохо вы к ним ни относились - имеют очень давнюю практику, очень давнюю, проверенную технологию правозащитной работы, правозащитной деятельности» [1].

На заседании Государственной Думы в 1996 г. при обсуждении вопросов о присоединении к Совету Европы председатель Комитета Государственной Думы по международным делам обозначил цели вступления в Совет Европы следующим образом: «Если мы вступим в Совет Европы, то это будет единственное, пожалуй, такое дело, когда совершенно очевидно, что это выгодно не нашим властям, особенно исполнительным властям, а выгодно нашим гражданам, конкретным гражданам, которые нас с вами сюда избрали,

что очень важно. Почему? Потому что Совет Европы - это организация, которая в основном занимается правозащитной деятельностью. Существует Европейский суд, и если мы подпишем соответствующие документы, то Европейский суд будет выносить решения и по делам конкретных, отдельных наших граждан, конечно, после того как они все национальные судебные инстанции пройдут. Я думаю, что это очень неплохо для сдерживания бюрократизма и произвола наших властей, которые зачастую очень сильны» [2].

При обсуждении проекта федерального закона о присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы официальный представитель Президента РФ, первый заместитель министра иностранных дел РФ, председатель Межведомственной комиссии по подготовке к вступлению Российской Федерации в Совет Европы И.С. Иванов в качестве аргумента также указал, что «целая глава российской Конституции о правах и свободах человека и гражданина составлена на основе именно Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод» [3].

Следующим шагом было подписание Конвенции, ее ратификация и передача ратификационных грамот в Совет Европы. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» включил в правовую систему России положения Конвенции [17, с. 280-291; 18, с. 26-30].

Присоединившись к Совету Европы и Конвенции, Россия присоединилась к коллективному обязательству вместе с другими Высокими Договаривающимися Сторонами обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенными в Конвенции (ст. 1 Конвенции).

Уникальность Конвенции заключается в том, что она создает позитивные обязанности государств-участников, тем самым принципиально отличаясь от международных договоров классического типа [5]. Ее «выгодоприобретателями» являются *все лица, находящиеся под юрисдикцией государства-участника*. Конвенция порождает обязанности государства-

участника по отношению к гражданам этой страны, к любому индивиду, находящемуся на его территории, включая обязанность применения эффективных средств защиты от нарушений прав и свобод, защищаемых Конвенцией. Причем исполнение данной обязанности не зависит от взаимоотношений с другими государствами, не является подчиненным, как в общем международном праве, принципу взаимности.

Было ли учтено это группой депутатов, неизвестно, однако такие данные, безусловно, должны быть учтены Конституционным Судом РФ при рассмотрении данного запроса. Хотя у нас имеются определенные сомнения в том, что большая часть данного запроса вообще подлежала рассмотрению.

А был ли мальчик?

Прежде всего, проанализируем саму возможность рассмотрения вопроса о конституционности статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

Итак, группа Депутатов Государственной Думы оспаривает соответствие Конституции РФ статьи 1 Закона № 54-ФЗ, как если бы ранее не было попыток депутатов Государственной Думы оспаривать ратификационные законы.

В определении от 2 июля 2013 г. № 1055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года» Конституционный Суд РФ разъяснил, что «проверка Конституционным Судом Российской Федерации конституционности федерального закона о ратификации международного договора, ... по общему правилу, может быть осуществлена лишь до момента вступления данного международного договора в силу... иное не только противоречило бы общепризнанному принципу международного права *pacta sunt servanda* и ставило под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя международных

обязательств, в том числе вытекающих из Венской конвенции о праве международных договоров, но и противоречило бы статье 125 (пункт «г» части 2) Конституции Российской Федерации и конкретизирующим ее положениям подпункта «г» пункта 1 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми Конституционный Суд Российской Федерации уполномочен разрешать дела о соответствии Конституции Российской Федерации лишь не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации».

Полагаем, в данном случае приведенная правовая позиция тоже подлежит применению. Тем более что на самом деле группа депутатов, оспаривая конституционность Закона № 54-ФЗ, оспаривает само содержание международного договора. Это следует из того, что текст запроса сформулирован следующим образом: «Статья 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30.03.1998 № 54-ФЗ, в которой подтверждается признание Российской Федерацией *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикции Европейского Суда, должна быть признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той части, в которой указанная норма позволяет признавать и исполнять на территории Российской Федерации судебные акты ЕСПЧ, вступающие в противоречие с нормами Конституции Российской Федерации и решениями Конституционного Суда Российской Федерации».

Так вот: фраза о признании *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикции Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней есть не что иное как воспроизведение статьи 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в редакции, существовавшей до Протокола № 11 к Конвенции. В данной статье Конвенции до вступления в силу Протокола № 11 говорилось: «Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может в любое время заявить, что она признает *ipso facto* и без специального соглашения

обязательную юрисдикцию Суда в отношении вопросов, относящихся к толкованию и применению настоящей Конвенции».

Соответственно в данном случае, безусловно, имеется скрытая попытка оспорить часть международного договора, причем в уже не действующей редакции. Не можем не напомнить, что в настоящее время Конвенция действует в редакции Протокола № 14, который был ратифицирован Федеральным законом от 4 февраля 2010 г. № 5-ФЗ «О ратификации Протокола № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вносящего изменения в контрольный механизм Конвенции, от 13 мая 2004 года». В новой редакции статьи 46 Конвенции содержится следующее правило: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами».

Более того, запрос группы депутатов основан на ошибочном предположении, что обязательность постановлений Европейского суда по правам человека следует только из статьи 1 Закона № 54-ФЗ. Такой подход основан на игнорировании Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», в части 3 ст. 6 которого закреплено: «Обязательность на территории Российской Федерации постановлений... международных судов... определяется международными договорами Российской Федерации». Эта норма не могла быть оспорена группой депутатов, но фактически ставится ими под сомнение, что, на наш взгляд, является основанием для отказа в рассмотрении запроса депутатов.

В качестве обоснования запроса депутаты приводят постановления ЕСПЧ по делу ОАО «НК «Юкос» против России» от 20 сентября 2011 г. и от 31 июля 2014 г., а также постановление ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» от 4 июля 2013 г., полагая, что данные постановления противоречат постановлениям Конституционного Суда РФ и даже самой Конституции РФ. Соответственно группа депутатов утверждает, что российские суды и иные государственные органы должны безусловно

исполнять решения ЕСПЧ даже вопреки Конституции РФ и что отсутствует какой-либо механизм разрешения подобной правовой ситуации.

Жаль, что депутаты забыли, что Федеральным конституционным законом от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» были внесены изменения в статью 101, которые расширили основания для обращения судов с запросами в Конституционный Суд РФ: «Суд при пересмотре в случаях, установленных процессуальным законодательством, дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона».

Кроме того, утверждая, что в Российской Федерации отсутствует механизм решения коллизии, авторы запроса забыли о механизме, предложенном в постановлении Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда». В названном постановлении Конституционный Суд РФ не только счел возможным обращение в Конституционный Суд РФ на стадии исполнения постановления ЕСПЧ, но и предложил следующее: в ситуации, когда в ходе конституционного судопроизводства рассматриваемые законоположения будут признаны не противоречащими Конституции РФ, Конституционный Суд РФ, имея в виду, что для суда общей юрисдикции в любом случае исключается отказ от пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления как процессуальной стадии, обусловленной, в частности, вынесением

постановления Европейского суда по правам человека, в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления ЕСПЧ.

Игнорируя наличие такого механизма, группа депутатов настаивает на признании неконституционными частей 1 и 4 ст. 11, пункта 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, частей 1 и 4 ст. 13, пункта 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, частей 1 и 4 ст. 15, пункта 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства РФ, пункта 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ. Это может быть расценено не только как постановка вопроса, уже разрешенного Конституционным Судом РФ, но и как попытка пересмотра уже вынесенного постановления Конституционного Суда РФ. Часть оспариваемых норм регулирует лишь вопросы о применении норм материального права при том, что приоритет норм международного права закреплен непосредственно в материально-правовых законах (например, в статье 7 Гражданского кодекса РФ).

Более того, оспариваемые процессуальные нормы воспроизводят положения части 4 ст. 15 Конституции РФ: «Если международным договором

Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Соответственно попытка их оспаривания есть скрытая попытка критики положений Конституции РФ, попытка ревизовать основы конституционного строя Российской Федерации в не предусмотренной Конституцией РФ процедуре¹.

Кроме того, необходимо отметить, что попытка связать указанные нормы (о приоритетном применении норм международного права) с нормами о пересмотре по новым и вновь открывшимся обстоятельствам ошибочна, поскольку нормы материального права не применяются при разрешении вопроса о пересмотре по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Любому процессуалисту известно, что производство по вновь открывшимся и новым обстоятельствам состоит из двух стадий. В первой

¹ Положения статьи 15 Конституции РФ составляют основы конституционного строя Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией РФ (ст. 6 Конституции РФ).

стадии суд рассматривает заявление о пересмотре по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, проверяя наличие обстоятельств, при которых законодатель предусмотрел возможность пересмотра.

Когда суд рассматривает заявление о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам, он лишь устанавливает ранее неизвестные суду и заявителю обстоятельства и определяет степень их влияния на правильность вынесенного решения. В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» разъяснено, что «в соответствии со статьей 396 ГПК РФ суд рассматривает указанные заявление, представление в судебном заседании, исследует доказательства, представленные в подтверждение наличия вновь открывшихся или новых обстоятельств по делу, заслушивает объяснения участвующих в деле лиц, совершает иные необходимые процессуальные действия, которые должны быть отражены в протоколе судебного заседания». То есть данная часть рассмотрения чисто техническая - рассматривается сугубо процессуальный вопрос о наличии вновь открывшихся или новых обстоятельств, о доказанности наличия этих обстоятельств, с которыми законодатель связывает возможность пересмотра и то, что они могли оказать существенное влияние на результат рассмотрения дела.

В этой стадии суд отменяет судебное решение либо отказывает в этом, но не рассматривает дело по существу и не исследует новые доказательства, не разрешает вопрос о применимом материальном праве.

Следующая стадия - новое рассмотрение дела, которое в случае отмены судебного постановления рассматривается судом по правилам судопроизводства в суде первой инстанции, где и разрешается вопрос о применимом материальном праве, в том числе возможности обращения в Конституционный Суд РФ при наличии сомнений в конституционности норм.

Все это - азбучные истины, известные любому студенту, которые депутаты не только могли, но и должны были учесть при обращении в Конституционный Суд РФ. Однако это еще не самая главная ошибка авторов запроса. Авторы запроса настаивают на признании неконституционными норм процессуальных кодексов, ссылаясь в качестве примера на проблемы с исполнением постановлений ЕСПЧ по делу ОАО «НК «Юкос» против России» от 20 сентября 2011 г. и от 31 июля 2014 г. и по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» от 4 июля 2013 г. Однако проблемы исполнения данных постановлений ЕСПЧ никоим образом не связаны с применением процессуальных норм. Специально ознакомившись с карточкой по делу, которое легло в основу обращения в ЕСПЧ, автор не увидел, чтобы кто-то обращался с заявлением о пересмотре по новым или вновь отрывшимся обстоятельствам в Арбитражный суд г. Москвы. Более того, представляется, что это дело и не могло быть пересмотрено - сложившаяся судебная практика такова, что, если сторона спора ликвидирована, то производство по жалобе или заявлению о пересмотре прекращается со ссылкой на часть 1 ст. 150 АПК РФ². Насколько правильна такая практика, впрочем, не так важно для данного дела, поскольку, собственно говоря, и обращения-то никакого о пересмотре не было.

Кроме того, как правильно отметил представитель МИД России, выступавший в Конституционном Суде РФ, постановление ЕСПЧ от 2011 г. по существу жалобы «ЮКОСа» Россией не было обжаловано. На наш взгляд, вопрос размера компенсации, присужденной ЕСПЧ по делу «ЮКОСа», не только не является основанием для оспаривания процессуальных норм, но и не может быть предметом разбирательства в Конституционном Суде РФ, поскольку тесно связан с оценкой фактических обстоятельств, а не вопросов права.

² В июне 2015 г. стало известно о принятии Конституционным Судом РФ жалобы гражданина Д.А. Татарникова на нарушение его конституционных прав пунктом 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, по рассмотрению которой возможно обозначенный подход будет изменен.

Что касается второго дела, то внимательное ознакомление с текстом постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» привело нас к выводу, что к моменту вынесения постановления ЕСПЧ оба заявителя уже были на свободе и поэтому их попытка на пересмотр была бы обречена - ведь в настоящее время их права не нарушены и они могут участвовать в выборах. Автором был проведен поиск информации об их попытках пересмотра судебных актов, но таких сведений не обнаружено. То есть для постановки вопроса о конституционности процессуальных норм о пересмотре опять же нет оснований.

Толкование конституционных норм о запрете голосования могло быть вынесено лишь при наличии соответствующего повода, запроса или жалобы, однако такого запроса в Конституционном Суде РФ нет.

Действительно, в деле «Анчугов и Гладков против России», следуя устоявшейся судебной практике («Хёрст против Соединенного Королевства», № 2), Европейский суд признал, что закрепленный российским законодательством неизбирательный запрет участвовать в парламентских выборах в качестве избирателей для всех осужденных, приговоренных к лишению свободы, нарушает статью 3 Протокола № 1 к Конвенции. Но нельзя признать, что такой неизбирательный запрет предусмотрен Конституцией РФ. Часть 3 ст. 32 Конституции РФ предусматривает, что не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Однако указание на приговор суда в российской конституционной норме означает, что запрет участвовать в выборах в качестве избирателя может быть индивидуальным наказанием, налагаемым судом, вынесшим приговор. Поскольку Европейский суд не требует предоставления права голоса всем заключенным («Скоппола против Италии», № 3), законодатель вправе предусмотреть категоризацию и (или) индивидуализацию наказания в виде лишения права голоса (вынесение такого наказания за

совершение определенных видов преступлений с учетом конкретных обстоятельств каждого дела)³.

Запрет голосования всем заключенным – это автоматическое признание асоциальности личности на весь период заключения, основанное на идее, что в заключении личность не социализируется. К сожалению, нередко можно встретить картину, когда попавший по глупости в места заключения выходит оттуда «обученным» преступником, который не видит себя в обществе, где деньги зарабатываются добросовестным трудом. Однако существуют программы, направленные на социализацию преступников, имеющие цель вернуть их в общество как равноправных его членов. Если такие программы будут реализовываться в России, возврат права принимать участие в голосовании для некоторых граждан мог быть возможностью почувствовать себя членом общества и мотивировал бы на дальнейшее исправление.

Кроме того, сам Конституционный Суд РФ не единожды указывал: установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной юридической оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего его лица, и применение мер ответственности без учета характеризующих личность виновного обстоятельств противоречили бы конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции РФ принципам справедливости и гуманизма [6]. Однако все эти рассуждения могли иметь отношение к делу, будь рассматриваемый запрос депутатов направлен на оспаривание норм избирательного законодательства.

Таким образом, группой депутатов не было приведено достаточных фактов и доводов о неопределенности оспариваемых норм процессуальных кодексов. Что же касается пункта 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, то его появление в Кодексе - это

³ См. инициативное заключение Межрегиональной общественной организации «Правозащитный Центр «Мемориал» по делу о проверке конституционности ряда положений федеральных законов, принятых в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

следствие исполнения постановления Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой». В данном постановлении Конституционный Суд РФ указал: «...федеральный законодатель обязан – в целях единообразного и надлежащего правового регулирования, руководствуясь Конституцией Российской Федерации и правовыми позициями, выраженными Конституционным Судом Российской Федерации, в том числе в настоящем Постановлении, - внести изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, с тем чтобы гарантировать возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в случаях установления Европейским судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека» [16, с. 142-154].

Впрочем, еще до ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Конституционный Суд РФ в постановлении от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» разъяснял: из статьи 46 (ч. 3) Конституции РФ, признающей за каждым право обращаться в соответствии с международными договорами России в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, следует, что решения межгосударственных органов могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами Российской Федерации, что открывает дорогу для полномочий последних по повторному рассмотрению дела в целях изменения ранее состоявшихся по нему решений, в том числе принятых высшей внутригосударственной судебной инстанцией.

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующий вывод: обращение в Конституционный Суд РФ с заявлением о неконституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», частей 1 и 4 ст. 11, пункта 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, частей 1 и 4 ст. 13, пункта 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, частей 1 и 4 ст. 15, пункта 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства РФ, пункта 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ *не соответствует критериям допустимости, а также в связи с тем, что неопределенность оспариваемых норм отсутствует.* Это, на наш взгляд, является основанием для прекращения производства по запросу группы депутатов, хотя, быть может, прав Полномочный представитель Президента РФ М.В. Кротов, который, не поддерживая запрос депутатов, считал необходимым признать оспариваемые нормы соответствующими Конституции РФ.

Что же касается положений конституционности пунктов 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» об обязанности Президента РФ и Правительства РФ и других государственных органов принимать меры, направленные на обеспечение выполнения международных договоров Российской Федерации, то данные нормы лишь наделяют компетенцией, а обязательность международных договоров все же закреплена в статье 5 данного закона, согласно которой:

«1. Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью ее правовой системы.

2. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

3. Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно...».

Мы понимаем, что не всегда исполнение постановления ЕСПЧ бывает легким и простым, что у России есть определенные трудности при исполнении некоторых из них, но, полагаем, наличие данных трудностей не является основанием для запроса о конституционности оспоренных норм, ни для их признания неконституционными. Кроме того, не является ли такой запрос попыткой обойти положения статьи 55 Европейской конвенции, предусматривающей отказ от иных средств урегулирования споров по поводу толкования или применения положений Конвенции и не использовать иные средства урегулирования спора, чем предусмотренные самой Конвенцией?

Библиография

1. Выступление председателя Комитета Государственной Думы по международным делам В.П. Лукина // Стенограмма заседания Государственной Думы РФ 22 июня 1994 г. «О проекте заявления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации о Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой 4 ноября 1950 года».
2. Выступление председателя Комитета Государственной Думы по международным делам В.П. Лукина // Стенограмма заседания Государственной Думы РФ 16 февраля 1996 г., обсуждение вопроса «О проекте федерального закона о присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы».
3. Доклад официального представителя Президента РФ – первого заместителя министра иностранных дел РФ, председателя Межведомственной комиссии по подготовке к вступлению Российской Федерации в Совет Европы И.С. Иванова // Стенограмма заседания Государственной Думы РФ 21 февраля 1996 г. Час Ратификации.
4. Конституционное Сопровождение. Стенограммы, материалы, документы. Справочный том. Т. 21. М., 1996.
5. Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб., 2006.

6. Постановление Конституционного Суда от 19 марта 2003 г. №3-П.
7. Султанов А.Р. Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 85–92.
8. Султанов А.Р. О применении судами постановлений Европейского суда по правам человека // Российский судья. 2008. № 9.
9. Султанов А.Р. Об общепризнанных принципах международного права и применении судами постановлений Европейского суда по правам человека // Международное публичное и частное право. 2008. № 6.
10. Султанов А.Р. О пересмотре судебных актов судов общей юрисдикции в качестве принятия индивидуальных мер, необходимых для исполнения Россией постановлений Европейского суда по правам человека // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6, 7.
11. Султанов А.Р. Правовые последствия постановлений Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 64–72.
12. Султанов А.Р. Влияние решений Европейского суда по правам человека на отправление правосудия в России через призму дела «Сутяжник» против России» // Закон. 2009. № 11. С. 90–101.
13. Султанов А.Р. Как дело о цензурном запрете помогло появлению важнейших правовых позиций Большой Палаты Европейского суда по правам человека // Журнал конституционализма и прав человека. 2013. № 1. С. 53–63.
14. Султанов А.Р. Уроки постановления Большой Палаты Европейского суда по правам человека по делу «Verein gegen tierfabriken schweiz» (Объединение против промышленного разведения животных) (VgT) против Швейцарии (№ 2)» (жалоба № 32772/02) от 30 июня 2009 г. // Вестник гражданского процесса. 2013. № 1. С. 99–125.
15. Султанов А.Р. Пересмотр решений суда по вновь открывшимся обстоятельствам и *res judicata* // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 96–104.

16. Султанов А.Р. Новая веха в исполнении постановлений Европейского суда по правам человека: значение и правовые последствия постановления Конституционного суда РФ от 26 февраля 2010 г. №4-П//Сравнительное конституционное обозрение. 2010. №4. С. 142-154.

17. Султанов А.Р. Человек против государства, межгосударственные органы, Россия//Государственная власть и местное самоуправление. 2008. №8. С. 26-30.

18. Султанов А.Р. К 15-летию юбилею действия для России Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней // Вестник гражданского процесса. 2013. №4.